

СТРУКТУРА РОМАНА И. А. ГОНЧАРОВА *ОБЛОМОВ*

Халида Мухамидинова

Есть некая загадка творчества Гончарова, которой объясняется неизбывный исследовательский интерес к писателю. Речь о романе *Обломов*. Кажется, что Гончаров подсмотрел глубинное течение жизни и явил его в своем произведении. Поразительная органичность текста. Сама органичность — загадка. Возможно, к отгадке можно приблизиться через структуру текста. Благодаря работам Ю. М. Лотмана на сегодняшний день прояснена смысловая роль структуры художественного текста. Содержательность параллелизмов, повторов, всех видов соотнесенностей в тексте, убедительно доказанная ученым, подтверждается и гончаровской художественной системой.

Гончаров приходит в литературу, когда связь человека и среды, существующая в реальной жизни, художественно осваивается “натуральной школой”. По Ю. Лотману, всякая соотнесенность в художественном тексте — структурная по своей сути. Соотношение “человек - среда” также из ряда структурных. В творчестве Гончарова практически ни один из его героев не описан вне зависимости от среды. Достаточно указать на лучшее творение писателя — *Обломова*. Первые восемь глав романа изображают пораженного параличом безволия героя, по существу в них дается описание болезни — обломовщины.¹ А в девятой главе *Сон Обломова*

¹ В известном смысле все произведения писателя — это исследование какой-либо болезни, деформации, отклонения от нормы. Знаменательно, что первая повесть писателя также о болезни и называлась *Лихая болезнь*. В романе *Обыкновенная история* болезнью, серьезным искажением природного равновесия может рассматриваться сентиментально-роман-

раскрывается причина болезни — изображается среда, возрастившая (обезволившая) Обломова. Таким образом, восемь первых глав романа и следующая — девятая — образуют соотношение, в основе которого причинно-следственная связь: девятая глава — причина болезни, а восемь первых — следствие. Все виды причинно-следственных связей в художественном тексте суть структурные, однако до сих пор они не исследуются под этим углом зрения.

Детерминированное повествование исторически стадийно и не является принадлежностью всякого художественного текста, как может показаться на первый взгляд. Так, молодой герой в романтическом произведении мог быть старчески мудр, что недопустимо в реалистической литературе. Из этого следует, что в зависимости от художественного метода изображение человека может различаться на структурном уровне, и, значит, есть все основания говорить о структурной эволюции в литературе.

Спектр взаимообусловленностей в гончаровском тексте необычайно широк. Раннее творчество писателя — в известной мере художественный эксперимент со всеми типами детерминат, открытыми литературой до Гончарова. Помимо обусловленности человека средой, писатель реконструировал в своих произведениях возрастные, психо-физиологические и даже географические, по мнению Н. И. Пруцкова,² мотивации человеческого поведения. Поступки героя романа *Обыкновенная история* Александра Адуева, к примеру, детерминированы кроме среды возрастом и темпераментом. Недаром в 1847 году В. Г. Белинский определял его как романтика по природе, обстоятельствам и воспитанию. Многие в повествовании о любовных переживаниях Обломова и Ольги Ильинской, Юлии Тафаевой (*Обыкновенная история*) получает психо-физиологи-

тическое сознание Александра Адуева и проживоположное ему узкопрагматическое — Петра Адуева. В первом случае — избыток сердца, во втором — недостаток. И обе крайности пагубны, искажают, человеческую жизнь.

² Монография Н. И. Пруцкова (*Мастерство Гончарова-романиста*, М.-Л. 1962) стала наряду с книгой А. Г. Цейтлина (*И. А. Гончаров*, М. 1950) самой фундаментальной работой по творчеству Гончарова.

ческую мотивировку. В этом же ряду описание различных видов страстей в романе *Обрыв*. Сам Гончаров в статье *Намерения, задачи и цели романа "Обрыв"* писал, что "расшевелил и исчерпал в романе все образы страстей" (Гончаров 1981: 91).

За психо-физиологической и всякой другой мотивацией в художественном тексте стоят вычлененные из жизни подобию, сходства в человеческом поведении, образе мышления. Из множеств повторений в самой жизни складывалась гончаровская классификация типов страстей. Что такое литературный тип, как не постижение отношений тождества, объективно существующих в самой действительности? Тип — это свернутая цепочка подобию, это квинтэссенция из множества эквивалентов. За Александром Адуевым, Петром Адуевым, Обломовым, Захаром, Татьяной Марковной Бёрежковой и другими героями Гончарова — целые пласты русской жизни. Это выявленная писателем повторяемость в самой русской действительности.

По степени детерминированности гончаровский текст феноменален: предельно несвободный, в нем до минимума сокращено пространство авторской субъективности (для сравнения романтическое повествование, где авторская воля почти не ограничена). Жесткая причинная обусловленность характеров гончаровских героев напоминает методы научного исследования. Знаменательны рассуждения Гончарова в письме к Е. А. и С. А. Никитенко (август 1860 года):

...еще не решено, лениюсь ли я из любви к лени, или, напротив, неправильное обращение крови, приливы ее, наконец лимфатическое, тучное, завещенное мне родителями сложение производят лень? А скука? И ее происхождение не кроется ли в обстоятельствах всей жизни? (Гончаров 1986: 391).

Для Гончарова очевидно, что природа лени сложна и обусловлена множеством факторов. Размышления писателя по этому поводу, бесспорно, сказались на образе Обломова. Но ни возрастные, ни психо-физиологические детерминанты, ни среда не оказались достаточными для объяснения явления. Чтобы изобразить человека во всей его противоречивости, потребовался прорыв к новым, глубинным законам бытия.

Наш разговор пойдет об отношениях противоположностей в гончаровском тексте. Знаменательно, что уже в первой

повести писателя *Лихая болезнь* (1838 год) устанавливалась параллель между противоположностями — героями повести Тяжеленко и семейством Зуровых. Зуровы одержимы страстью к загородным прогулкам, к постоянной перемене мест, к движению, а Тяжеленко, наоборот, исключил из своей жизни всякое движение (фамилия в данном случае говорит сама за себя — тяжелый на подъем; Тяжеленко — прообраз Обломова). Герои в повести сюжетно слабо связаны, но неожиданно они сближаются в эпилоге в одинаково трагическом исходе: гибнет Тяжеленко, гибнут Зуровы. Крайности сошлись. Между противоположностями обнаружилась связь. Единство, диалектическое по своей сути.

К структурной параллели “движение-неподвижность” Гончаров вернулся в романе *Обломов*. Образы Штольца и Обломова соотнесены в тексте как энергия/движение и инертность/недвижение. Общеизвестно, что принцип поляризации в гончаровском тексте тотален, на это обстоятельство неоднократно обращали внимание исследователи творчества писателя: противоположны друг другу Адуев младший и Адуев старший в *Обыкновенной истории*, Ольга Ильинская и Гафия Матвеевна Пшеницына в *Обломове*, Райский и бабушка Татьяна Марковна Бережкова в *Обрыве*.

Соотнесенность противоположностей — принципиально иной тип структурных отношений по сравнению с детерминированными, о которых речь шла выше. Если причинно-следственные связи доступны эмпирическому опыту, поддаются наблюдению как явление действительности, то связь между противоположностями, как правило, не лежит на поверхности. Между тем этот тип связи универсален. В природе он явлен в виде таких противоположностей как день и ночь, мужчина и женщина, север и юг и т.д. В известном смысле отношения противоположностей в тексте Гончарова не художественный конструкт, а художественный аналог диалектическим отношениям самой действительности.

Можно было бы систематизировать типы структурных отношений в гончаровском тексте, формализовав их для удобства по методике Ю. М. Лотмана. Но необходимо с самого начала понять, что структурные отношения разноуровневые. Не одинаковы, например, оппозиционные отношения в текстах

Гончарова и Л. Толстого. Противопоставление сцены бала и сцены экзекуции в рассказе *После бала* Л. Толстого не совпадают по своему качеству с противопоставлением в гончаровском тексте. В толстовском — противопоставление служит иллюстрацией авторской мысли, в гончаровском — между противоположными сторонами возникает взаимодействие, ограничивающее авторскую волю. Таким образом, несмотря на сходство структурных соотношений, очевидна их типологическая неоднородность.

Отношения противоположностей в гончаровском тексте по своему характеру диалектические. Взаимодействие двух противоположных полюсов порождает самодвижение, подобно тому, как в природе непрерывность развития достигается взаимоотношениями различного. Из бесконечного множества взаимоотношений различного взаимодействие противоположного является частным случаем неизбежного, нескончаемого движения бытия (Ротенфельд 1992: 30).

Отправляясь от аналогии в статье Ю. А. Ротенфельда *Неклассическая диалектика: конкретный подход к проблеме*, представим отношение противоположностей в виде весов: “в случае тождественности, симметрии сторон чаши весов находятся на одном уровне, а в случае их противоположности, антисимметрии — одна выше, а другая — на такое же расстояние ниже положения равновесия. И чем больше отличаются между собой противоположные свойства, хотя они суть одного и того же качества, тем более отклоняются от положения равновесия чаши воображаемых весов” (Ротенфельд 1992: 30).

Представляя мир в виде единого закономерного процесса, обусловленного взаимоотношениями различий, можно констатировать, что взаимодействие противоположных тенденций “определяет в природе их самодвижение к положению равновесия, к тождеству сторон” (Ротенфельд 1992: 32). Движение возникает из “разности энергетических потенциалов” (Ротенфельд 1992: 33). Нечто сходное происходит и при взаимодействии противоположностей в гончаровском тексте. Можно графически изобразить “разницу энергетических потенциалов” в структурном соотношении *Обломов-Штольц*: штольцевский “энергетический потенциал” как стопроцентный, а

обломовский — равный нулю. Разность “энергетических потенциалов” между ними, таким образом, предельная.

0 ————— 100%.

Взаимодействие противоположностей в природе определяет их самодвижение к положению равновесия, т. е. к тождеству “энергетических потенциалов”. Соотношение Обломов-Штольц есть нарушенное равновесие, и, следовательно, в нем заложен импульс к движению.

Итак, видимо, следует различать диалектические и недиалектические соотношения в художественном тексте. Недиалектические — неподвижны, мертвая параллель, неспособная к самодвижению; соответственно в таком тексте возрастает роль авторского “я”, динамика повествования обеспечивается авторской активностью. Диалектические структуры — подвижны. Самодвижение, возникающее в гончаровском тексте в результате взаимодействия противоположностей, порождает некий, неманифестированный автором смысл, который не может быть закреплён ни за отдельным словом, ни за образом, ни за сюжетом. Он возникает из структурного взаимодействия противоположностей. Дополнительный, избыточный смысл и есть материальное выражение диалектической структуры.

Образы Обломова и Штольца противопоставлены друг другу как неподвижность и движение.

<i>Обломов</i>	<i>Штольц</i>
лень	цель
безволие	сильная воля
отсутствие энергии	выраженная энергия
неподвижность	активное движение

Современная философская наука пользуется рядом понятий для обозначения разного типа отношений: симметрией обозначается тождество явлений, антисимметрией — отношение противоположностей, при обозначении отношений качественно разнородных явлений используется понятие асимметрия. В романе речь идет об антисимметрии неподвижность - движение, все остальные значения, исходные из этого основного, также антисимметричны.

Противоположные черты характера героев, соотносясь в тексте, порождают новые, которые в свою очередь распадаются на два противоположных значения. В философской терминологии этому явлению должно, по-видимому, соответствовать понятие “дихотомическое самоделение”. Из лени и неподвижности Обломова вытекает созерцательность, недаром Штольц называет его философом.³ Соответственно Штольцу по логике противопоставления следует отказать в созерцательности, хотя со стороны несозерцательности Штольц не охарактеризован, такая смысловая потенция возникает исключительно из структурного противоположения героев. Так рождается новое звено в антисимметрии: “созерцательность - несозерцательность”.

Далее текст дает основание для вывода, что ленивый Обломов скептически относится к житейской суетности, и, несмотря на изрядную долю авторской иронии по этому поводу (глава вторая первой части романа, условно называемая в литературоведении “парад гостей”), в читательском сознании закрепляется отличие Обломова от Волковых, Пенкиных, Судьбинских, живущих по инерции, не вдумываясь в смысл своего существования.⁴

Образ Обломова содержит также намек на более глубокое, чем у Штольца, понимание человеческого назначения. Для Обломова человек — высшее существо. Высокое начало присутствовало даже в “негодном сосуде”, и “тратить мысль, душу свою на мелочи, менять убеждения, торговать умом и воображением, насиловать свою натуру” (Гончаров 1981а: 24-25), как Пенкин, недостойно человека, как недостойна человека и цепь жизни Судьбинского — продвижение к карьере.⁵

³ Имеется в виду диалог между героями в четвертой главе второй части романа, где образ мыслей Обломова впервые предстает наиболее полно, обнаруживается склонность героя к философским размышлениям. Интересно, что участие Штольца в разговоре ограничивается репликами, рассуждения же Обломова тяготеют к монологу.

⁴ Совершенно очевидно, что I-ая глава, представляющая лежащего на диване Обломова, противопоставлена II-ой — “параду гостей”, где дается описание суетно деятельных гостей Обломова, как “покой и движение”.

⁵ Судьбинский — фамилия говорящая: герой подчиняется судьбе, живет

Даже труд ради труда — жизненный принцип Штольца — при таком понимании представляется изменой высокому назначению человека.⁶ Но обломовское проникновение в смысл человеческого существования остается без последствий в силу безволия героя, исключенности из практического участия в жизни. И наоборот; энергия выдвигает Штольца на авансцену жизни. Однако избыточность энергии не оставляет места для труда души, возникает реальная угроза ее оскотинения,⁷ которая косвенно обнаруживает себя в восхищении Штольца “голубиной душой” своего друга. То обстоятельство, что душу Ольги взрастил не Штолец, а Обломов, получает новый смысл, благодаря соотнесенности этих образов.

В Штольце в потенции просматривается, с одной стороны, суетное существование, когда движение, труд превращаются в самоцель и лишаются высокого человеческого смысла, — с другой, намечается антитеза “голубиной душе” Обломова — “продувная бестия”. Правда, такая характеристика Штольца исходит от его недоброжелателей — Тарантьева и “братца” Агафьи Матвеевны Пшеницыной.

Стремление Гончарова представить Штольца как положительного героя, — а такая авторская интенция прослеживается в тексте, — вступает в противоречие с избранной структурной произведением. И неслучайно определение “про-

по инерции, механически.

⁶ Штолец в разговоре с Обломовым заявляет: “Труд — образ, содержание, стихия и цель жизни, по крайней мере моей”. И трудиться, считает Штолец, нужно “для самого труда, больше ни для чего”. В контексте главы “парад гостей” эти суждения сближают Штольца с Пенкиными и Судьбинскими. Проступает механицизм в самой жизненной установке героя.

⁷ Таков драматический финал судьбы другого деятельного героя Гончарова из романа *Обыкновенная история* — Петра Адуева. Сопоставление Штольца и Петра Адуева правомерно. Романы Гончарова не живут в читательском сознании порознь, они переливаются друг в друга, возникают параллели: Ольга — Лизавета Александровна, Егор Адуев (*Счастливая ошибка*) — Александр Адуев, Обломов — Райский. Герои взаимодополняют друг друга. Такому восприятию гончаровского текста в немалой мере способствовали разъяснения самого писателя в печати, указывающие на связь произведений, на внутреннее родство персонажей

дувная бестия” закрепляется за Штольцем в критике, в статьях Н. А. Добролюбова и А. В. Дружинина. И в последующем прочтении романа, в советское время, в Штольце продолжают видеть в первую очередь дельца, капиталиста, а то и просто душевно ущербного человека.⁸ Читатель как будто не замечает авторских дифирамбов в адрес этого героя. Структурное противоположение поляризует все качества героев: если в одном предполагается “голубиная душа”, то другому, соответственно, в этом должно быть отказано; если об обломовском сердце где-либо в тексте сказано, что оно неподкупно, то по логике противопоставления появляется характеристика Штольца как “продувной бестии”. Так происходит саморазвитие текста. Из антисимметрии “движение-неподвижность” рождается новая диалектическая цепочка, возникают новые соотношения:

<i>Обломов</i>	<i>Штольц</i>
созерцательность	несозерцательность
несуетность	суетность
“голубиная душа”	неголубиная душа
неподкупное сердце	“продувная бестия”
выключенность из жизни	глубокая погруженность в жизни

Аналогична схема другой пары противоположностей в романе — Ольга Ильинская и Агафья Матвеевна Пшеницына, противопоставленных друг другу по линии “ум - неум”. В изображении взаимоотношений Ольги и Обломова подчеркивается ум Ольги. Ее поступки, решения, в том числе и окончательное — о разрыве с Обломовым, свидетельствует о рационализме героини. Ольга сумела подавить в себе чувства, осознавая (умом) опасность обломовщины, как угрозу для себя, благополучию своей жизни.

Пшеницына противоположна Ольге. Если для Ольги зарождение чувства связано с решением изменить, “воспитать” Обломова, то Пшеницына полюбила, “как простуду схватила”. Действия Пшеницыной нерассудочны, спонтанны, иррациональны, и спасение Обломова в момент материальных невзгод

⁸ В работах Н. И. Пруцкого, А. Г. Цейтлина, Е. А. Краснощековой и других исследователей.

также бессознательное движение, а не плод долгого размышления. Далее, если Ольга всегда самостоятельна в своих решениях, в чем также выказался ее ум, то за Пшеницыну все решает “братец” и т. д..

Прделаем следующий эксперимент: уберем четвертую часть романа, историю любви Агафьи Матвеевны. В известном смысле ее можно считать лишней. Там же разрешалась идейная задача, если следовать логике добролюбовской статьи, состоялось саморазоблачение обломовщины. Без четвертой части Ольгу без оговорок можно было бы считать положительной героиней (русская революционно-демократическая критика в лице Добролюбова видела в Ольге противоядие обломовщине). Но с введением нового персонажа в роман (Пшеницыной) образ Ольги Ильинской подвергся перестройке. Динамику образа породила структурная оппозиция.

Как известно, ум обычно выступает в разряде достоинств литературного героя, неум же (тупость) расценивается как негативная характеристика. Но диалектическая структурная модель Гончарова снимает оценочный момент. Противоположности — Ольга и Пшеницына, как ум и неум, обнаруживают свою недостаточность в отдельности. Разум побуждает Ольгу к отказу от любви. А ведь Ольга — Ильинская, как заметил один из тонких исследователей творчества Гончарова, В. И. Мельник (1985), то есть Ольга и Илья Ильич предназначены друг для друга. А между тем отказ от счастья. И как будто все оправдано в поведении героини: не может же она гибнуть рядом с чудовищно инертным, совершенно безвольным Обломовым! Но по логике, диалектической логике, заданной романом, ей не дается и настоящее женское счастье. О присутствии в тексте в потенции такого развития судьбы героини свидетельствует кинематографический вариант *Несколько дней из жизни Обломова* в режиссерском решении Никиты Михалкова. И такое прочтение заложено в самом тексте, достаточно вспомнить эпизод нелегкого для Штольца разговора с Ольгой в самый как будто счастливый период их совместной жизни. В контексте всего творчества Гончарова судьба Ольги соотносима с несчастливой судьбой Лизаветы Александровны из *Обыкновенной истории*, как возможный вариант, как досмотренная ко конца жизнь героини.

А для Пшеницыной женское счастье оказалось возможным. И это следствие непросветленного, неразвитого ума, когда верх берет бессознательное, инстинкт жизни. Но одновременно именно самозабвенная любовь Агафьи Матвеевны и ускорила гибель Обломова, благодаря ей обломовщина торжествовала окончательно, а усилия умной Ольги не достигли цели. Из взаимодействия противоположностей “ум- неум” (наличие интеллекта- отсутствие интеллекта) вырастает диалектическая цепочка:

<i>Ольга</i>	<i>Пшеницына</i>
ум	неум
рационализм	иррационализм
эгоизм в любви	самозабвенная любовь
отсутствие женского счастья	наличие женского счастья

Гончаровское мышление — это мышление отношениями. Он видит Обломова, Штольца, Ольгу, Агафью Матвеевну, Волковых, Пенкина, Судьбинских не по отдельности, а в единстве, бытие предстает в сознании писателя в его внутренней соотнесенности.

Противоположности в гончаровском тексте сбалансированы за рамками судеб героев. Это равновесие целокупности общечеловеческой судьбы. Поэтому обломовская лень уравновешивается штольцевской энергией, штольцевская недостаточность сердца искупается “голубиной душой” Обломова, обломовская неприспособленность к жизни — предприимчивостью Штольца. Ум Ольги уравновешивается инстинктом жизни Агафьи Матвеевны. При приоритетности ума не было бы места Обломовым, их нужно было бы изгнать из жизни. Между тем и для Обломовых жизнь создает свою нишу. Отсюда нетрагическое умирание Обломова: “Илья Ильич скончался, по-видимому, без боли, без мучений, как будто остановились часы, которые забыли завести” (1981а: 396).

Доверие писателя жизни выразилось вприятии мироустройства, в признании его целесообразности. В гончаровской художественной модели мира постоянно балансируются, приводятся в равновесие деформации, для них находятся свои противовесы. В *Обломовке* Обломов не трагичен. Он трагичен в Петербурге, на Гороховой, вне своей среды. Но нарушившееся было равновесие вновь восстанавливается на

Выборгской стороне, в доме Агафьи Матвеевны. Выборгская – оазис, обломовка, образовавшаяся в штольцевском мире. Жизнь вновь и вновь приводит в равновесие огрехи социальной и всякой другой разбалансированности человеческой жизни. Содержание романа не сводимо к критике обломовщины, что в свое время определило пафос добролюбовской статьи *Что такое обломовщина?* В романе исследуется одновременно и вмещаемость обломовщины в жизнь. Таков результат раздумий писателя о природе лени.

Диаметрально противоположные по смыслу статьи Дружинина и Добролюбова о романе также две стороны одной медали. В статье революционера-демократа Добролюбова обломовщина осуждена безоговорочно, как свидетельство исторической бесперспективности крепостнической системы, уродливым порождением которой является ленивый Обломов, олицетворяющий худшие стороны русского национального характера. В статье Дружинина, наоборот, превозносится “незлобивая русская натура”, “голубиная душа” героя, являющегося своеобразным упреком современности, в которой рациональное, западное начало все больше берет верх.

Два противоположных взгляда на литературного героя, но они уравниваются друг другом. Это сбалансированность на уровне литературной критики. Если одна из точек зрения начинает превалировать, то равновесие нарушается. Перекос случился, когда в советском литературоведении за основу была принята добролюбовская точка зрения и проигнорирована дружининская. Сегодня равновесие восстановлено ‘реабилитацией’ эстетической критики Дружинина, его статьи вновь заняли подобающее им место в истории русской критики.

В обозримой человеческой жизни, в ее пространственной и временной ограниченности противоположности представляются несвязанными друг с другом, выступают отдельно, не осознаются как целое. В реальной жизни Ольга и Пшеницына как противоположности в большинстве случаев прямо не соотносены. Они коррелятивны в гончаровском тексте, и в этом смысле являются художественным конструктом, но созданное писателем структурное соотношение тем не менее не произвольно. Противоположности — объективная данность.

Современная философия пользуется категорией дихотомической антисимметрии. Дихотомическое самоделение на противоположности — закон природы, “раздвоение единого” обусловливает непрерывность и самодвижение бытия (Ротенфельд 1992: 33). Итак, противоположности едины в своей двойственности. Сопрягая различия (противоположности), Гончаров всматривался в единство мироздания, силясь познать его целокупность.

В этом мироустройстве каким-то непостижимом нашему “земному эвклидовскому уму” (выражение Ф. М. Достоевского из романа *Братья Карамазовы*), который знает только три измерения, соотносятся, сообразуясь друг с другом, лень и энергия, ум и отсутствие ума, растительное и осознанное существование. Действует некий глубинный механизм, сопрягая между собой разнонаправленные интенции действительности, расшифровать смысл которого силится физика, математика, философия, ведическая наука. Человеческое знание, интегрируясь сегодня, начинает постигать некие законы балансирования, равновесия, существующие в природе.

Гончаров прикоснулся к тайне бытия, понял нечто о жизни, глубоко спрятанное под внешним слоем повседневности. Поразительным образом художественное открытие Гончарова совпало с современными объяснениями мироустройства. Гончаровскому сознанию художника, скорее интуитивному, чем рассудочному, оказалось доступным глубинное, не явленное вовне, движение бытия, подобно тому, как Достоевскому было открыто, что Белинские и Грановские могут в будущем породить нечаевщину.⁹

⁹ Имеется в виду высказывание Ф. М. Достоевского: “Наши Белинские и Грановские не поверили бы, если б им сказали, что они прямые отцы Нечаевцам” (*Письма*, т. 3, 1934, с. 50). Эта мысль нашла свое художественное воплощение в *Бесах*. С. Г. Нечаев возглавлял тайное революционное общество “Народная расправа”. Нечаевской программой оправдывались все средства революционной борьбы, вплоть до уголовных. Студент И. Иванов, член организации, выступил против нечаевской программы, за что был убит. Политический процесс над нечаевцами в 70-е годы вошел в русскую историю, как “нечаевское дело”.

Художественное слово о мироустройстве русского романиста девятнадцатого столетия со временем не только не теряет своего значения, но и актуализируется день ото дня, поражая глубиной проникновения в бытие.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Белинский В. Г.
1955 Взгляд на русскую литературу 1847 г. — В кн.: Полное собрание сочинений, т. 10, Москва 1955.
- Гончаров И. А.
1981 И. А. Гончаров - критик. Москва 1981.
1981a Обломов. Ленинград 1981.
1986 Очерки. Литературная критика. Письма. Воспоминания современников. Москва 1986.
- Добролюбов Н. А.
1952 Что такое обломовщина? — В кн.: Собрание сочинений, т. 2, Москва 1952.
- Дружинин А. В.
1983 Обломов. Роман И. А. Гончарова. — В кн.: Литературная критика, Москва 1983.
- Лотман Ю. М.
1970 Структура художественного текста. Москва 1970.
- Мельник В. И.
1985 Реализм И. А. Гончарова. Владивосток 1985.
- Пруцков И. И.
1962 Мастерство Гончарова-романиста. Москва-Ленинград 1962.
- Ротенфельд Ю. А.
1992 Неклассическая диалектика: конкретный подход к проблеме. — Философские науки (1992) 1.
- Цейтлин А. Г.
1950 И. А. Гончаров. Москва 1950.